

Добровскаго земскій засѣдатель съ понятыми. Когда онъ вошелъ въ домъ, то услышалъ въ одной изъ комнатъ чтеніе молитвъ. Это приглашенный священникъ исповѣдовалъ и пріобщалъ избитую и измученную женщину. Слѣдомъ за засѣдателемъ подкатилъ къ усадьбѣ Ономасовъ и, не смотря ни на что, вломился въ комнаты. Засѣдатель старался урезонить его, но напрасно. Онъ вошелъ въ спальню, гдѣ находилась больная, и въ присутствіи засѣдателя, священника и другихъ людей, началъ ругать жесточайшимъ образомъ свою жену. Ругательства сопровождались такими жестами, которые угрожали новыми истязаніями Екатеринѣ Николаевнѣ. Засѣдателю пришлось прибѣгнуть къ угрозѣ вывести вонъ расходившагося мужа...

Послѣ долгихъ убѣжденій онъ уступилъ и покинулъ домъ Добровскаго, твердя о своемъ «законномъ правѣ» и о томъ, что онъ сумѣетъ возстановить его...

Послѣднія слова Ономасова заставили всѣхъ призадуматься. Добровскій боялся новаго нападенія Ономасовской «арміи»... Засѣдатель посовѣтовалъ отвезти Екатерину Николаевну въ уѣздный городъ, въ домъ уѣзднаго предводителя, гдѣ она могла бы найти вполне безопасное помѣщеніе. Такъ и поступили. Бѣдную измученную женщину повезли въ городъ, хотя ей было въ пору лежать въ постелѣ, а не трястись въ экипажѣ по проселочнымъ дорогамъ.

Вотъ какъ расправился Ономасовъ со своею женой. Кромѣ того, во время путешествія въ каретѣ съ Коренной ярмарки, онъ отобралъ у Екатерины Николаевны 2.000 рублей ея денегъ и, разумѣется, не подумалъ возвратить ихъ.

Уѣздный предводитель дворянства занялся дѣломъ, возникшимъ изъ столкновенія между Ономасовыми—мужемъ и женою.. По своей обязанности, онъ прежде всего попытался устроить примиреніе супруговъ и адресовалъ Ономасовой оффиціальную бумагу, въ которой отечески внушалъ, что «если мужъ ея имѣетъ нравственность, несвойственную его званію, то старалась бы она добродѣтельными поступками своими его исправить, а всегдашнее отъ нея мужу уваженіе, конечно, можетъ подвигнуть его къ благонаравію и лучшему образу жизни, что отнесется къ ея чести и спокойствію»...

.....

Что же послѣдовало затѣмъ? Къ сожалѣнію, объ этомъ въ архивѣ, откуда мы почерпнули были изъ старинныхъ правовъ, нѣтъ никакихъ свѣдѣній, ни одного лоскутка бумаги, который бы договорилъ намъ о судьбѣ страдальцы Ономасовой.

А. Танковъ.